

—В канун Нового, 1952 года, я тяжело заболел.

—Помню полумрак, склонившуюся маму, тревожный шёпот надо мной. Новый год я встречал в больнице, куда меня положили с бронхоаденитом. Как очень острое ощущение запомнился мне запах свежего зимнего воздуха на открытой веранде больницы, куда меня вынесли, закутанного, после долгих дней лежания в палате. Деревья и кусты в больничном саду были осыпаны как ватой пушистым снегом. Сестра кинула пустую баночку из под лекарства, и снег плавно посыпался с веток - впечатление от этого движения было просто сказочным, волшебным.

—Дя моего лечения нужно было доставать дорогое лекарство - то ли пенициллин, то ли стрептомицин в ампулах. Меня очень много кололи, но гораздо неприятнее было принимать какой-то порошок, писк, кажется.

—В больнице меня навещали мама и школьная учительница - Ольга Михайловна. Как-то уже перед моей выпиской после маминого посещения медсестры сказали, что у меня скоро будет братик или ещё сестрёнка. Так оно и оказалось. Забирала меня из больницы бабушка, так как мама сама попала в больницу, где 22-го января из неё щипцами вытащили мою младшую сестрёнку Милочку. Говорили, что пришлось разрезать живот. Потом как-то, когда мы всем семейством ходили в семейную баню (с парилкой и небольшим бассейном), я пытался разглядеть следы операции, но не помню, обнаружил ли их.

—Летом 1952 года наша семья в количестве теперь уже пяти человек явилась в полном составе в Сестрорецк на свадьбу дяди Вовы с тётей Тамарой. Свадьба, должно быть, была весёлой: доплясались до того, что жениху отдавили большой палец ноги, так что ноготь слез. Играли свадьбу в доме родителей тёти Тамары, на Промстрое. В саду росли огромные лопухи ревеня, из стебля которого варили вкусный кисель, и в сыром виде стебель очень хорошо елся с сахаром, а мы с Вовкой Морозом, моим двоюродным братцем, мастерили из лопухов индейские наряды, дополняя их чалмами из полотенцев, и шныряли в таком виде по кустам, что-то изображая.

Мама с Милочкой, Вовка Мороз, Люба и я, Сестрорецк, июнь 1952 г.

Дядя Вова и тётя Тамара, Сестрорецк, июнь 1952 г. —Майечка, 1956 г.

—Нас, детей, опекала в дни свадьбы тёти Тамарина племянница, дочь её сестры Зои - пятнадцатилетняя Майечка. Она и спала вместе с нами на полу. Мне нравилось смотреть на неё, и всякое внимание с её стороны ко мне приятно волновало. Фотография её с кошкой на руках, сделанная мною года через четыре, может подтвердить, что она была весьма милой, привлекательной девушкой. Жизнь её, увы, в дальнейшем сложилась несчастно. Сначала спился муж, с которым она то сходилась, то расходилась, а потом спилась и совсем опустила и она сама. В сорокасемилетнем возрасте её нашли однажды мёртвой в пьяном притоне. Официальный диагноз был - отравление метиловым спиртом, но по Сестрорецку ходил слух, что её убили, что затылок весь был разбит. Милиция, однако, не сочла нужным заводить дело, слишком она была уже знаменита своими дебошами, даже родственники в глубине души вздохнули с облегчением...

Мама, Люба и Люда Боброва у памятника "Русалке", Таллин, ок.1950 г.

— В начале марта 1953 года мы переехали из Таллина в Сестрорецк в связи с поступлением папы в Академию Крылова. Таллинский период жизни закончился. Что еще помнится о нём? Очереди за мукой и сахаром, красная икра по праздникам, чёрная не нравилась, парк Кадриорг, кормление лебедей на пруду, глянцево-коричневые плоды каштанов, выскакивающие из расколотой о землю толстой колючей жёлтой кожуры, памятник "Русалке", зимой - катания на обычных санках с гор и на финских по парку.

— Прекрасная вещь - финские сани: на длинных узких полозьях - стул с ручками на спинке, за эти ручки держишься, одной ногой стоишь на полозе, другой отталкиваешься, а на стуле пассажир или поклажа. Популярны эти сани были и в Сестрорецке. И как средство развлечения, но больше просто как средство передвижения по укатанной дороге; и стар и млад на них ездили, особенно, когда тяжёлое что-нибудь надо доставить, например, бидон с керосином.

(продолжение следует)